

НАКАЗАНИЕ

по

ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ

въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 гг.).

Изслѣдованіе

Г. В. ДЕМЧЕНКА.

Gригорій В. Демченко

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

Типографія Імператорскаго Університета Св. Владимира.

В. І. Завадзкаго Б. Васильковская у., д. № 29—31.

1894.

(+)

LIT
J

Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1898 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владимира.

APR 1 1932

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	1

В В Е Д Е Н И Е.

Литература предмета; источники, въ особенности Литовскій Статутъ (общія замѣчанія)	3
I. Развитіе основныхъ понятій уголовнаго права эпохи Статутовъ (преступленіе и наказаніе, условія вмѣненія) . . .	6
II. Смѣшевіе въ Л. Статутѣ уголовныхъ воззрѣній разныхъ эпохъ.	28

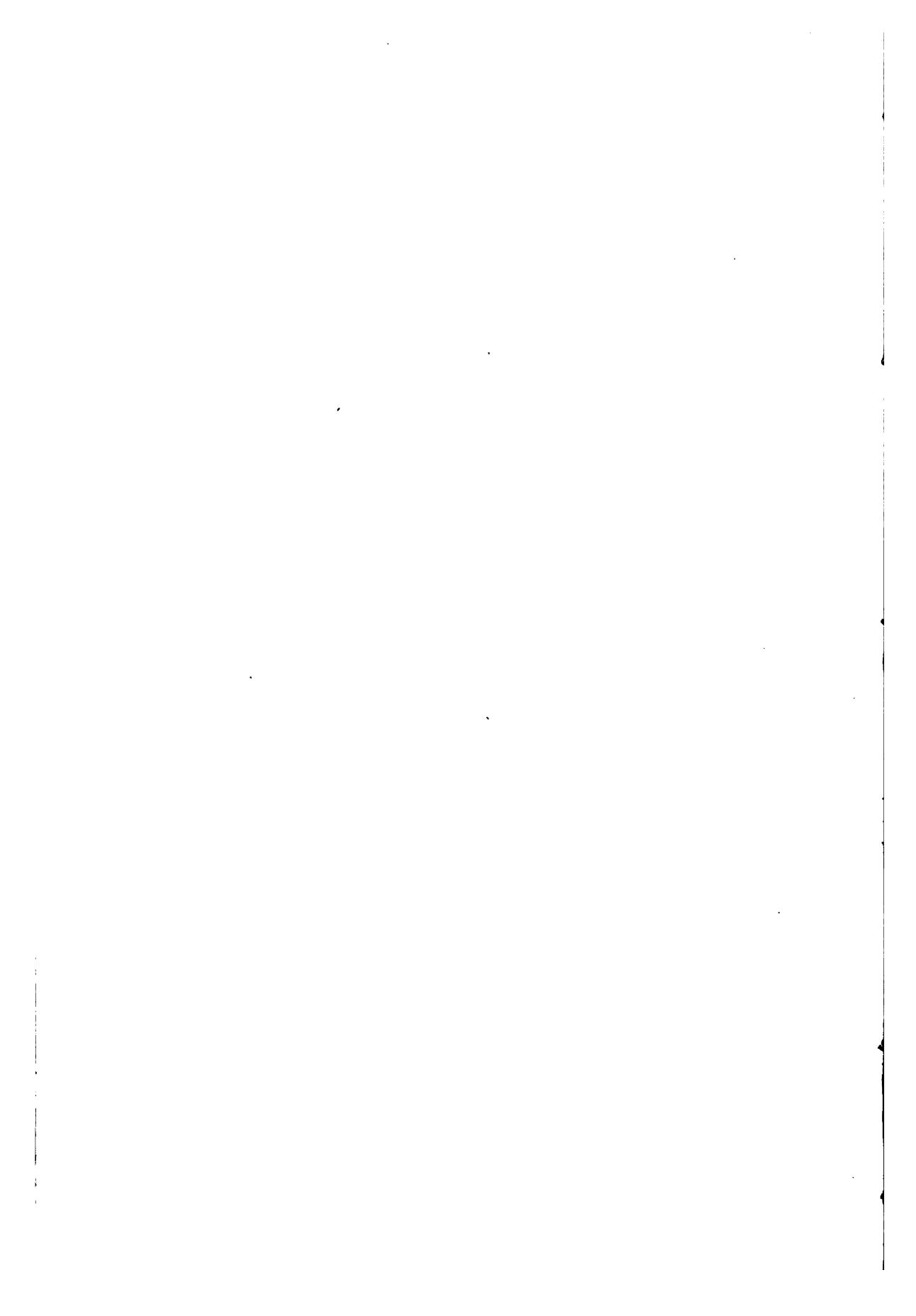
I. ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О НАКАЗАНИИ.

Глава Первая. Понятіе наказанія, объемъ и границы карательной дѣятельности	33
I. Понятіе наказанія (предупредительная и карательная дѣятельность государства, историческая измѣнчивость понятія наказанія и объема карательной дѣятельности; наказаніе по Л. Статуту: терминъ, понятіе, господство договорнаго начала въ области уголовныхъ отношеній).	33
II. Наказаніе и другія послѣдствія преступленія	49
A. Вознагражденіе за вредъ и убытки отъ преступленія .	49
1. Общія замѣчанія (тѣсная связь между гражданскими и уголовными послѣдствіями правонарушенія; вознагражденіе за вредъ и убытки по Л. Статуту: „шкода“—терминъ, понятіе, виды и содержаніе гражданского вознагражденія потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія)	49

	СТР.
2. Гражданское значение „караній“	59
а) Уголовные штрафы, служащие вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскимъ удовлетвореніемъ вслѣдствіе особыхъ свойствъ и природы самого правонарушенія	60
б) Гражданское значение уголовныхъ штрафовъ въ зависимости отъ специальныхъ предписаний закона	66
в) Гражданское значение уголовныхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ съ третьихъ лицъ	70
3. Карапельный элементъ въ гражданскихъ взысканіяхъ	74
а) Уплата шкодъ, какъ наказаніе для виновнаго въ случаяхъ злодѣйства и под.	76
б) Карапельное значение „навязки за омешканье роботы“	79
в) Штрафный шкода въ тѣскомъ смыслѣ этого слова	81
Б. Пеня или неустойка въ сдѣлкахъ гражданского права (особая черты неустойки древняго права; чѣмъ онѣ обусловливаются; однородность „винъ такъ в семъ статуте, яко и въ записехъ добровольныхъ описанныхъ“)	90
Глава Вторая. Субъектъ карапельного права	99
I. Условія, опредѣляющія степень полноты государственного верховенства въ уголовномъ правѣ (общія историческая условія и особенные условія литовско-русскоаго государства XVI вѣка).	99
II. Субъектомъ карапельного права признается государство (верховенство государя въ области законодательства и въ области суда).	107
III. Нѣкоторыя ограниченія предыдущаго положенія (обычай, потерпѣвшій, вотчинники, города)	114
Глава Третья. Объектъ карапельного права (наказанію подлежитъ лицо, совершившее преступное дѣяніе)	121
I. Отвѣтственность животныхъ	123
II. Отвѣтственность третьихъ лицъ	126
А. Отвѣтственность вмѣсто виновныхъ	127
1. Понятіе заступничества; добровольное заступничество (его условія и послѣдствія).	127
2. Необходимое заступничество (понятіе, содержаніе и условія необходимаго заступничества)	131
а) Круговая порука	133
б) Прочительство	137
в) Землевладѣніе	141

СТР.

г) Другія основанія необхідного заступничества (отвѣтственность уряда, отвѣтственность лицъ подозрительныхъ или прикосновенныхъ къ преступленію и под.)	144
Б. Отвѣтственность рядомъ съ виновными (отвѣтственность семьи за преступленія отца)	147
Глава Четвертая. Содержаніе и условія карательной дѣятельности	153
I. Основанія карательного права	154
А. Вліяніе христіанской религіи и европейской цивилизациі	154
Б. Воззрѣнія законодателя на основанія карательного права (рѣчи Л. Сап'ги и ихъ содержаніе)	162
а) Наказаніе установлено Богомъ	165
б) Наказаніе оправдывается съ точки зренія божеской и человѣческой справедливости	165
в) Наказаніе необходимо для охраны правопорядка, для цѣлостности общества и государства и для утвержденія общей свободы . .	167
г) Наказаніе преступника необходимо съ точки зренія интересовъ потерпѣвшаго	168
II. Задачи карательной дѣятельности (общая характеристика эпохи)	170
А. Главныя цѣли наказанія	174
1. Удовлетвореніе пострадавшаго (денежныи пени, личныи наказанія, испрошеніе прощенія)	174
2. Устрашеніе (угроза наказаніемъ; непосредственная цѣль этой угрозы)	178
3. Предупрежденіе преступленій (преступнѣя дѣянія предупреждаются угрозой наказанія и его исполненіемъ).	180
4. Возмездіе за совершиное зло (характеръ возмездія; возмездіе какъ месть со стороны потерпѣвшаго, во имя интересовъ государства или на основаніи величній Божества)	183
Б. Второстепенный цѣли наказанія	186
1. Извлечениe материальныхъ выгодъ	186
2. Приужденіе преступника къ исполненію требованій государственной власти	187
3. Общественная охрана и устраненіе опасныхъ людей . .	188
4. Исправленіе преступника.	189
5. Возбужденіе ревности къ преслѣдованию преступниковъ .	189
III. Общія свойства наказанія (постепенное усиленіе къ концу XVI в. строгости взысканій за отдельныя преступленія и постепенное расширение области личныхъ наказаній) . .	189
1. Индивидуальность наказаній	196
2. Справедливость наказаній	197

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое изслѣдованіе имѣетъ непосредственное отношеніе къ исторіи русскаго уголовнаго права. Въ этой области Литовскій Статутъ занимаетъ особенно завидное, исключительное положеніе, примыкая, съ одной стороны, къ Русской Правдѣ, съ другой—къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича. Перваго преимущества не имѣютъ памятники восточной Россіи, относящіеся къ XIV, XV и первой половинѣ XVI вѣка, такъ какъ въ эту эпоху въ московскомъ государствѣ теряются почти всякие слѣды дѣйствія Русской Правды, уступившей мало по малу свое мѣсто инымъ источникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ почти всякая связь между правомъ древнѣйшаго земскаго периода русской исторіи и правомъ московскаго государства. Въ числѣ же источниковъ Уложения ц. Алексѣя Михайловича конкурируютъ въ равной степени памятники московскаго законодательства и Литовскій Статутъ. Такимъ образомъ, исторія наказанія въ литовско-русскомъ правѣ XVI в. представляетъ несомнѣнныи интересъ и для изучающаго исторію уголовнаго права восточной Россіи. Съ этой точки зреянія изученіе наказанія въ Литовскомъ Статутѣ является введеніемъ къ исторіи наказанія въ эпоху Уложения ц. Алексѣя Михайловича и реформъ Петра Великаго.

Въ нашемъ изложеніи мы придерживаемся по возможности системы, выработанной наукой для изслѣдованія института наказанія въ

современномъ намъ правѣ. Тамъ, однако, гдѣ у законодателя того времени были свои взгляды, своя система, мы оставляемъ эту систему ненарушимой; напротивъ, мы по необходимости должны прибѣгнуть къ какому нибудь порядку тамъ, гдѣ мы находимъ только рядъ понятій, общихъ идей или положеній, набросанныхъ безсистемно и хаотично. Изъ нѣсколькихъ системъ, существующихъ въ наукѣ въ настоящее время, мы выбрали ту, которая, по нашему мнѣнію, вполнѣ всего дозволяетъ охватить рассматриваемый предметъ и представляетъ наиболѣшія удобства изложенія. Насколько удаченъ нашъ выборъ и, особенно, тѣ измѣненія системы, которыхъ пришлось намъ сдѣлать въ виду особенностей изслѣдуемаго памятника,—объ этомъ пусть судить читатель.

В В Е Д Е Н И Е.

Литература предмета; источники, въ особенности Литовскій Статутъ.

Нельзя указать ни на одно сочиненіе, которое бы имѣло непосредственное отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. Вопросъ о наказаніи въ Литовскомъ Статутѣ есть вопросъ, совершенно еще не затронутый въ литературѣ, хотя отдѣльные указанія, отрывочные замѣчанія и ссылки на Статутъ встрѣчаются у многихъ писателей, касавшихся русской и литовско-русской исторіи¹⁾). Мы можемъ назвать нѣсколько именъ, указать нѣсколько сочиненій, имѣющихъ даже, по-видимому, болѣе непосредственное отношеніе къ Литовскому Статуту и къ его уголовному праву²⁾, но и лучшее между ними (а такимъ,

¹⁾ Изслѣдователи исторіи русского права, начиная съ тридцатыхъ (*Строевъ*) и сороковыхъ годовъ (*Линовскій*, *Колоссовскій*), весьма часто обращаются къ Литовскому Статуту, какъ памятнику русского права, для сопоставленія и объясненія отдѣльныхъ положеній права восточной Россіи. Но у всѣхъ этихъ писателей отрывочныя и весьма разбросанныя сообщенія сдѣланы мимоходомъ. Гораздо больше можно найти у другихъ писателей, историковъ и юристовъ, специально касавшихся исторіи Великаго Княжества Литовскаго, напр. у В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Ф. И. Леонтовича, М. Н. Ясинскаго, Н. Тумасова, К. Бестужева-Рюминна, Чарнецкаго, Иванишева, И. М. Собѣстянскаго, С. А. Бершадскаго и др.

²⁾ Напр. *Czackiego*, O Litewskich i polskich prawach (Warszawa, 1800 roku, t. I—II); *Maciejowskiego*, Historya prawodawstw słowiańskich (Warszawa, 1832—1836 roku, t. I—VI); *Jaroszewicza*, Obraz Litwy pod wzglѣdem j ej cywilizacyji (Wilno, 1844 roku, t. I—III); *Иванышева*, О платѣ за убийство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германской вирой (Кievъ, 1840 года); *Леонтовича*, Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русского права (Кievъ, 1865 года); *Семенова*, О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси (1854 года—во Временикѣ импер. москов. общества исторіи и древностей россійскихъ). Можно указать, наконецъ, на сочиненіе проф. *Тальберга*, Насильственное похищеніе имущества по русскому праву (С.-Петербургъ, 1880 года), одна изъ главъ котораго специально посвящена Литовскому Статуту

безспорно, слѣдуетъ признать краткій очеркъ Ф. И. Леоновича— „Русская Правда и Литовскій Статутъ“) представляетъ изъ себя не болѣе, какъ „опытъ сравненія главныхъ положеній Русской Правды съ древними памятниками литовскаго законодательства“, и при томъ, въ со- жалѣнію, опытъ этотъ страдаетъ излишней сжатостью изложенія, вслѣд- ствіе чего капитальный вопросъ только намѣченъ въ общихъ чертахъ. Изъ другихъ авторовъ заслуживаетъ специального упоминанія развѣ только Мацѣйовскій съ его извѣстной „Исторіей славянскихъ законо- дательствъ“; но упомянуть о немъ слѣдуетъ скорѣе для того, чтобы предостеречь отъ его ошибокъ, чѣмъ для того, чтобы рекомендовать для прочтенія тѣ нѣсколько страничекъ его труда, которыя онъ по- свящаетъ уголовному праву Литовскаго Статута („Prawo karne Litwy“).

Бѣдность литературы предмета не соотвѣтствуетъ обилію сы- рого матеріала (изданного и не изданного), отличающагося большими богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія. Для нашихъ цѣлей мы воспользовались важнѣйшимъ памятникомъ всей литовско-русской исторіи—Литовскимъ Статутомъ, присоединивъ къ нему другіе памят- ники настолько, насколько это требовалось по самому существу ра- боты и совмѣщалось съ тѣмъ временемъ, которое мы имѣли въ своемъ распоряженіи. Такимъ образомъ, кромѣ Литовскаго Статута, мы озна- комились съ наиболѣе важными изданными памятниками, а также съ нѣкоторыми изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива.

Записовыя и поточныя книги Луцкаго гродскаго суда, ¹⁾ просмо- трѣянныя нами въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, относятся къ эпохѣ введенія въ дѣйствіе Статута второй редакціи (1560—1566 г.). Въ общей массѣ актовъ, заключающихся въ этихъ книгахъ (2566 но- меровъ), только незначительная сравнительно часть содержитъ въ себѣ судебнія рѣшенія (декреты), т. е. изображеніе того, какъ понима- лись и какъ примѣнились постановленія Статута судами того време- ни, что собствено и было для насъ наиболѣе интересно. Съ этой стороны большій интересъ представляютъ нѣкоторыя изданія Віленской Археографической Коммиссіи, посвященные актамъ су- дебнымъ, таковы: XV-ый томъ актовъ—рѣшенія Главнаго Литовскаго Трибунала въ періодъ времени отъ 1637—1687 года, XVII-ый томъ—

¹⁾ За №№ 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040.

судебные акты Гродненского земского суда за 1539—1565 годы. Въ обоихъ томахъ заключается множество актовъ, относящихся къ уголовному праву, при чёмъ первый изъ нихъ (XV т.), хотя и принадлежитъ къ эпохѣ нѣсколько позднѣйшей, чѣмъ изучаемая нами, однако представляетъ несомнѣнныи интересъ, такъ какъ является выразителемъ взглядовъ высшаго судилища относительно смысла и примѣненія тѣхъ или другихъ артикуловъ того же Статута (въ его третьей редакції 1538 года).

Основнымъ источникомъ предлагаемаго изслѣдованія служитъ Литовскій Статутъ въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 года) ¹⁾— богатѣйшій памятникъ для исторіи русскаго права, слишкомъ мало, къ сожалѣнію, обратившій на себя до сихъ поръ вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей ²⁾). На этомъ памятнику мы сосредоточили все наше вниманіе, имъ главнымъ образомъ пользовались для нашихъ выводовъ, стараясь по возможности исчерпать все содержаніе Статута въ интересующемъ нась отношеніи.

Оставляя въ сторонѣ вѣшнюю исторію Статута, какъ предметъ чуждый нашей задачѣ, хотя далеко не окончательно обработанный въ литературѣ ³⁾, мы попытаемся предварительно опредѣлить значеніе Статута, какъ кодекса уголовнаго права XVI вѣка. Чтобы слишкомъ не уклоняться отъ нашей темы, отмѣтимъ только самое существенное и ближайшімъ образомъ соприкасающееся съ тѣми вопросами, которые входятъ въ ея составъ и не могутъ быть въ достаточной степени по-

¹⁾ Мы пользовались Статутомъ въ изданіи „Временника Императ. общества исторіи и древн. российскихъ“, кн. XVIII (Статутъ 1529 г.), кн. XXIII (Ст. 1566 г.) и кн. XIX (Ст. 1588 г.). Впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ приходилось обращаться и къ другимъ его изданіямъ (Маконоческое—первоначальное изданіе 1588 года; *Дзялынскаю* въ его *Zbiór praw litewskich*; изданія *польскія* XVIII вѣка; т. н. *Сенатское* изданіе 1811 года).

²⁾ „При всей важности рассматриваемаго памятника въ дѣлѣ изученія древне-русскаго права, говорить проф. Тальбергъ, Литовскій Статутъ до настоящаго времени остается безъ всякой научной разработки и не пріобрѣтъ еще, такъ сказать, права гражданства въ историко-юридической литературѣ нашей“ (*Тальбергъ*, указ. соч. стр. 52). Хотя слова эти были сказаны въ 1880 году, но въ существенномъ дѣлѣ не измѣнилось и до настоящаго времени.

³⁾ Выѣшия исторія Статута изложена у *Чацкало*, *O litewskich i polskich prawach*; т. I; *Ярошевича*, *Obraz Litwy pod wzglѣdem jej cywilizacji*, т. II; *Даниловича*, *Взглядъ на Литовское законодательство*, въ Юрид. Запискахъ Рѣдкина, т. I; *Чарнецкаго*, *Исторія Литовскаго Статута*, въ Кіев. Унів. Извѣстіяхъ за 1866—7 г.

нены и объяснены безъ предварительного знакомства съ развитіемъ основныхъ понятій уголовнаго права Статутовъ.

I. Развитіе основныхъ понятій уголовнаго права эпохи Статутовъ.

Три редакціи Литовскаго Статута преемственно смѣняли одна другую. Каждая предшествующая редакція служила материаломъ для послѣдующей; но новая редакція включала предыдущую далеко не въ ея первоначальномъ видѣ: она измѣняла, дополняла и исправляла старый кодексъ, она прибавляла къ нему новые узаконенія, которыхъ успѣли уже накопиться послѣ его изданія. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ въ своихъ трехъ редакціяхъ является, если можно такъ выразиться, живой исторіей литовско-русскаго права XVI вѣка. Примеръ другого такого кодекса-исторіи мы имѣемъ въ Русской Правдѣ, которая, по выражению Попова, также есть „исторія уголовнаго права отъ Ярослава до Владимира Мономаха включительно“¹⁾. Оба кодекса слѣдуютъ другъ за другомъ во времени и по своему содержанію²⁾,

¹⁾ См. Попова, Русская Правда въ отношеніи къ уголов. праву, изд. 1841 г., Положенія, 2.

²⁾ „Юго-западная Русь, говорить Бѣллесъ, состоя подъ владичествомъ литовскихъ великихъ князей и потому въ соединеніи съ Польшей, стремившейся къ распространенію въ ней польскихъ законовъ и обычаевъ, естественно должна была быть болѣе устойчивою и упорною въ поддержаніи своихъ старыхъ обычаевъ и законовъ; дабы отстоять свою национальность и нравственную самостоятельность. А посему въ законодательныхъ памятникахъ юго-западной Руси мы находимъ болѣе тѣсную связь съ Русской Правдой и древнейшими русскими юридическими обычаями, нежели въ памятникахъ сѣверо-восточной московской Руси. Сѣверо-восточная Русь въ своеемъ юридическомъ развитіи дѣйствовала какъ то свободнѣе, нежели ея юго-западная сестра; ей побѣдоносной и независимой не было нужды въ борьбѣ и упорномъ отстаиваніи своей старины. Но совсѣмъ другое было положеніе въ юго-западной Руси Литовской; тамъ старина была единственою опорою для охраненія национальности, на ней только держалась нравственная самостоятельность и независимость народности, всякое нововведеніе тамъ грозило чужеземнымъ вліяніемъ. Все это сообщило законодательнымъ памятникамъ юго-западной Руси свой характеръ, отличающій ихъ строгою и какою-то несвободною покорностью Русской Правдѣ и вообще старымъ юридическимъ обычаямъ“. То же самое говоритъ и проф. Леонтьевичъ относительно литовско-русскаго права вообще и Статута Литовскаго въ частности: „Русскія начала сохранились въ юго-западной Россіи не потому только, что они глубоко вросли въ ея бытъ: тѣ же начала въ старое время не менѣе глубоко коренились въ быту восточной Россіи, а между тѣмъ здѣсь они очень рано утрачиваются—подъ конецъ XV столѣтія отъ нихъ почти не осталось и слѣда. Отмѣна древне-русскихъ началь въ восточной Россіи и сохраненіе ихъ въ западной обиганѣ, главнымъ образомъ, вліянію законодательства: что

какъ нельзя лучше, дополняютъ другъ друга. Русская Правда во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ (Правда Ярослава, Правда Ярославичей и Правда пространная¹⁾) есть замѣчательный памятникъ перехода уголовнаго права отъ периода мести въ періодъ композицій; Литовскій Статутъ въ его трехъ редакціяхъ есть также не менѣе замѣчательный памятникъ, но уже болѣе поздней эпохи; въ немъ мы видимъ и на немъ наблюдаемъ живую исторію уголовнаго права той эпохи, когда система денежныхъ выкуповъ смѣняется системой публичныхъ наказаній, система композицій уступаетъ мѣсто системѣ устрашающихъ карь. Соответственно этому происходятъ измѣненія и въ основныхъ понятіяхъ

безслѣдно исчезло въ судныхъ грамотахъ, Судебникахъ и Уложеніи восточной Россіи, то надолго удержалось въ литовско-русскихъ областныхъ привилеяхъ, Судебникѣ и Статутахъ. Законодательство литовское, въ отличіе отъ московскаго, всегда слѣдовало консервативному направлению, болѣе или менѣе проникавшему всѣ памятники литовско-русского законодательства. То-же самое направление замѣчаемъ и въ Литовскомъ Статутѣ, въ особенности старомъ: гдѣ только дѣло идетъ о чисто-юридическихъ отношеніяхъ, тамъ Статутъ строго консервативенъ, держится въ главномъ старого юридического порядка, современного еще Русской Правдѣ²⁾ (См. Быллева, О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ рус. законамъ, стр. 117; Леонтьевича, Рус. Правда и Литов. Статутъ, стр. 14). Вполнѣ соглашалась съ мнѣніемъ Быллева и проф. Леонтьевича относительно консервативности литовско-русского права, объясняемой вѣйшими условіями литовско-русской исторіи, не можемъ не замѣтить однако, что послѣдній изъ двухъ названныхъ ученыхъ слишкомъ умаляетъ значеніе бытовыхъ особенностей различныхъ частей древней Россіи: характерные черты быта юго-западной, сѣверо-восточной и сѣверо-западной Россіи въ своихъ особенностяхъ выступали уже и въ эпоху Русской Правды. Едва ли не самое правильное объясненіе сходства литовского права съ древне-русскимъ мы находимъ въ томъ, что „литовско-русское государство обнимало собою саму коренную и древнѣйшую Русь: Киевскую, Сѣверскую, Волынскую, Полоцкую и Туровскую земли, т. е. территорію зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси (Русской Правды)“ (Владимирская-Буданова, Помѣстья Литов. Государства, стр. 2). Русская Правда была создана и выражала въ себѣ основные начала юридического быта тѣхъ областей, какія впослѣдствіи легли въ основаніе Великаго Княжества Литовскаго. Между тѣмъ Русь сѣверо-восточная, не являлась родиной Русской Правды, представляла только почву, въ то время весьма родственную, а потому весьма подходящую для примѣненія началъ Русской Правды. Литовское право консервативно, но вѣдь и оно не оставалось безъ развитія, безъ движенія. И что-же?—въ своемъ развитіи оно въ значительной мѣрѣ развивается начала Русской Правды, дѣлаетъ дальнѣйшіе шаги въ томъ направлениі, какое было указано ею. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, сказывается ничто другое, какъ только проявленіе старого и всѣмъ известного закона: растеніе даетъ надлежащій плодъ только тогда, когда оно растетъ на свойственной ему почвѣ и въ свойственномъ ему климатѣ.

¹⁾ См. Владимирская-Буданова, Обзоръ исторіи русского права, изд. 1888 г., стр. 92—93.

уголовного права. Конечно, въ эпоху Статутовъ измѣненія эти не слишкомъ значительны; для этого потребовалось бы не одно, но иѣсколько столѣтій. Тѣмъ не менѣе измѣненія, и при томъ довольно существенные, во взглядахъ законодателя на преступленіе и наказаніе сразу бросаются въ глаза, если сопоставить двѣ крайнія редакціи рассматриваемаго кодекса.

Здѣсь мы постараемся показать, въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ развивалась идея преступленія и наказанія въ эту переходную эпоху отъ одного уклада уголовного права къ другому.

Въ уголовномъ правѣ литовской Руси XVI вѣка понятіе преступленія отличается слѣдующими весьма существенными чертами:

а) преступленіе есть „*криода*“ (обида), неправда по отношенію къ тому, кто потерпѣлъ отъ преступленія, чьи интересы были имъ непосредственно нарушены¹⁾;

б) преступленіе есть „*выступокъ*²⁾“, нарушеніе закона (обычая), такъ какъ, совершая преступленіе, преступникъ „выступаетъ изъ той или другой уставы“³⁾;

в) преступленіе нарушаетъ „покой посполитый“, причиняетъ „шкоду земскую“, другими словами—оно общевредно и общеопасно⁴⁾;

г) преступленіе есть „*вина*“, такъ какъ предполагаетъ виновность его совершилеля⁵⁾;

¹⁾ Это можно видѣть почти въ каждомъ артикулѣ, относящемся къ уголовному праву.

²⁾ Въ иѣкоторыхъ случаяхъ преступленіе обозначается словомъ „*збытокъ*“, которое довольно близко подходитъ по своему значенію къ термину „выступокъ“, выступокъ („збытокъ“ соотвѣтствуетъ латин. „excessio“, польск. „excess“), хотя и имѣть иѣсколько болѣе общее и болѣе широкое употребленіе (имъ обозначается всякий вообще излишекъ, выступленіе изъ определенныхъ предѣловъ независимо отъ того, имѣеть ли это выступленіе какое иб. юридическое значеніе или не имѣеть). См. Трет. Ст. IV, 29, 64; VI, 11; XIV, 4, 33; Акт. Вил. Ком. т. XV, № 191, стр. 306. Ср. *Горбачевскую*, Словарь древнаго акт. языка, стр. 121 (подъ слов. *excessio*). Такжѣ точно терминъ „выступокъ“ въ иѣкоторыхъ случаяхъ замѣняется словомъ „*безправье*“. См. Трет. Ст. XI, 28; IV, 76. Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, № 185, стр. 219; № 223, стр. 280.

³⁾ Напр. Перв. Ст. I, 26; II, 4, 7, 9; VI, 25, 36; VIII, 19, 21. Вг. Ст. I, 30; II, 6, 26 и др. Трет. Ст. XI, 14 и мн. др.

⁴⁾ Перв. Ст. VII, 31; Вг. Ст. X, 17; XI, 1, 5, 11 и др. Трет. Ст. I, 25; III, 32; X, 17; XI, 1, 5, 14, 28.

⁵⁾ Напр. Перв. Ст. I, 7; V, 9; Вт. Ст. I, 14; VI, 12; Трет. Ст. I, 18; VI, 14 и мн. др.

д) преступлениe есть грѣхъ, такъ какъ „противно пану Богу“ и отъ него „панъ Богъ бываетъ ображонъ“¹⁾;

е) вслѣдствіе всего этого преступлениe есть „злочинство“, дѣйствіе дурное и постыдное, „злый вчинокъ“²⁾.

Съ такими чертами выступаетъ понятіе преступленія въ началѣ рассматриваемаго періода; ини же оно характеризуется и въ концѣ столѣтія. Но это отнюдь не свидѣтельствуетъ о неизмѣнности и неподвижности самого понятія: между понятіями первого и третьяго Статута разница весьма замѣтная; то, о чёмъ первый говоритъ вскользь, и почему еще не придается особеннаго значенія, послѣдній, напротивъ, выдвигаетъ на первый планъ, признаетъ наиболѣе существеннымъ и важнымъ; наоборотъ, въ третьемъ Статутѣ отступаетъ на второй планъ то, что считалось въ началѣ столѣтія самымъ важнымъ и чему придавалось особенное значеніе.

Наиболѣе измѣненій произошло во взглядахъ на общественное значение всякаго преступленія.

Въ эпоху первого Статута преступлениe рассматривалось главнымъ образомъ какъ „кривда“, а преступникъ—какъ „шкодникъ“. Понятіе „обиды“ Русской Правды нашло для себя соотвѣтствующее выраженіе въ „кривдѣ“ Статута. Соответственно этому мы замѣчаемъ въ рассматриваемомъ кодексѣ слѣдующія черты, обыкновенныя при взглядахъ на преступлениe, какъ на дѣйствіе, имѣющее по-преимуществу значеніе частное—только для тѣхъ лицъ, которыхъ въ немъ непосредственно заинтересованы:

а) Потерпѣвшій самъ отыскиваетъ своего „шкодника“, самъ подаетъ на него жалобу въ судъ и ведетъ дѣло въ обычномъ состязательномъ порядкѣ; особой слѣдственной формы для уголовныхъ дѣлъ еще не существуетъ³⁾.

б) Преступникъ всегда и прежде всего обязанъ удовлетворить потерпѣвшаго за причиненную ему шкоду (уплата шкоды) и кривду (уплата частнаго штрафа); публично-уголовнаго наказанія во множествѣ случаевъ нѣть никакого.

¹⁾ Вт. Ст. XI, 16. Трет. Ст. XI, 28; IV, 25, 105 и мн. др.

²⁾ См. Перв. Ст. I, 3, 13; Вт. Ст. XIV, 13; Трет. Ст. IV, 105—преступникъ совершає преступление, „пробачивши боязнь божьскую и въ стыду людскаго“.

³⁾ Напр. VI, 4, 6, 10.